

Евгений Карнович

Албанская банда

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Албанская банда

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Князь Кароль Радзивилл основал албанскую банду, или союз албанчиков, из людей ему преданных, в имении своём близ Несвижа, называемом Алба, в то время когда он ещё был мечником литовским. Чтоб попасть в это общество нужно было быть порядочным, оседлым шляхтичем, удалым рубакой, лихим наездником на самой бешеной лошади, хорошим охотником и вообще бодрым и отважным; нужно было, как говорят поляки, уметь держать чёрта за рога. Князь не мог дать никому патента на звание албанца без согласия, по крайней мере, двух третей всего общества. Обязанность членов была: на всякий призыв князя являться к нему на коне в полном вооружении и, несмотря на опасность, подставлять лоб за честь князя-воеводы, за свою собственную и каждого из членов...»

Евгений Петрович Карнович

Албанская банда

Часов около двенадцати ночи всё смолкло в Новоградском монастыре, где остановился князь Кароль или Карл Радзивилл, воевода Новоградский, приехавший в город на шляхетский сеймик. На обширном монастырском дворе, между множеством нагромождённых в беспорядке фур, нетычанок, повозок и телег, кое-где догорали ещё костры, разложенные с вечера. Сентябрьская ночь была свежа, а полный месяц высоко стоял на тёмно-голубом небе, обливая серебристым светом старинные монастырские здания. В длинном монастырском коридоре, с низкими сводами, который вёл в настоятельской келье, вспыхнул в последний раз догоревший ночник и погас, а яркий луч лунного света, ударив в узкое окно коридора, лёг длинной полосой на кирпичном его полу. Затих в коридоре и шум шагов, отдававшийся под сводами непрерывно в течение целого дня, потому что комнаты настоятельские были отданы под помещение князя-воеводы, а к нему и от него весь день, с утра до вечера, валила шляхта и бегала многочисленная прислуга.

Князь в комнате настоятеля лежал на по-

стели, накрыв одеялом и голову; в ногах его, под постелью, улеглась любимица князя большая собака Непта, неразлучный ночной сторож князя; а на другой постели, в той же комнате, улёгся отец Идзий, духовник князя, пользовавшийся особенным его расположением.

Казалось, все успокоились: и князь, и Идзий, и Непта; но вдруг собака заворчала, как бы почуя в комнате незримого гостя, потому что свет месяца, как день, озарял её, в ней не было видно никого из посторонних, а между тем Непта продолжала ворчать оскаливая зубы.

– Да будет похвален Иисус Христос! – сказал громко Радзивилл, высунув боязливо голову из-под одеяла.

– И во веки веков! – добавил ксёндз.

– А ты не спишь ещё, отец Идзий? – спросил князь.

– Стал было засыпать, и мне начало сниться...

– А слышал ли, как ворчит Непта? верно ко мне пришёл Володкович.

– Да будет похвален Иисус Христос, – ска-

зал ксёндз, перекрестившись; князь сделал тоже. Между тем Непта, устремив глаза на светлую полосу, которую на полу образовал свет месяца, всё ещё сердито ворчала.

– А что, – спросил Радзивилл, – правда ли, отец Идзий, что души умерших приходят на этот свет из чистилища для того, чтобы просить родных и друзей молиться за них?

– Так так, ясный князь, – отвечал отец Идзий, – приходят, конечно, приходят.

– Так видно и ко мне пришёл теперь Володкович, – сказал Радзивилл, – он всё стоит у меня перед глазами. Ты лучше всех должен знать, отец Идзий, как я любил его, и чего я только не делал для успокоения души его. В Пизе, во время страшной чумы я собственными руками хоронил умерших от этой болезни, давши обет исполнять это за упокой души Володковича; пощусь, как тебе, отец Идзий известно – и как ещё пощусь: каждую годовщину смерти Володковича ничего не ем; какие богатые вклады давал я монастырям, сколько отслужил обедней и поминовений, но видно душа его всё ещё не успокоилась.

– Да, ясный князь, воля Божия для нас тай-

на непроницаемая.

При этом и князь, и ксёндз набожно перекрестились.

Помолчав немного, князь сказал:

– А что, отец Идзий, ты не спишь ещё?

– Стал было засыпать; а что угодно вашей княжеской милости?

– Сотвори прежде молитву за упокой души Володковича, а потом я скажу новость.

Ксёндз исполнил желание князя.

– Я хотел сказать тебе, что отец Матий получит завтра 50 дисциплин за упокой души Володковича; ведь он проиграл заклад, венгерское было не сорока, а только тридцатипятилетнее.

– Ничего, – отвечал позёвывая ксёндз, – он человек здоровый, – и повернувшись на другой бок громко захрапел.

Для объяснения новости, сообщённой Радзивиллом своему духовнику, нужно заметить следующее: в католических монастырях есть род покаяния, или, вернее сказать, вообще богоугодного дела, состоящий в том, что смиренный раб Божий стегает себя сам, или, по его просьбе, его стегают другие ремённой

плёткой, называемой дисциплиной. Радзивилл, который, как мы видели, всего более заботился об упокоении души своего прежнего друга и сподвижника пана Володковича, придумал с этою целью особое средство. Он держал с ксёндзами, а особенно с бернардинами, о чём-нибудь заклад с тем условием, что если проиграет он, то он платит, смотря по уговору, десять, тридцать, пятьдесят и более дукатов; а если проиграет противник, то он должен получить, тоже смотря по уговору, известное число дисциплин за упокой души Володковича. Много таким образом было выдано дукатов, но зато и много спин было исхлёстано порядком. В тот день, к которому относится наш рассказ, князю посчастливилось выиграть заклад, и потому он, чрезмерно боившийся и чертей, и домовых, а в особенности Володковича, был несколько покойнее обыкновенного, зная, что завтра утром жирная спина бернардина будет искупать земные грехи Володковича. Под влиянием этой успокоительной мысли, князь поцеловал висевший у него на груди образ Богоматери, následственно дошедший к нему чрез длинный

ряд радзивилловских поколений, перекрестился, вздохнул и, по примеру отца Идзия, перевернувшись на другой бок лицом к стене, скоро захрапел.

Непта тоже успокоилась и только изредка ворчала сквозь сон.

Но кто же был Володкович, так пугавший Радзивилла своим приходом с того света? Об нем мы расскажем, так как он был одним из характеристических представителей своего буйного времени, но прежде нужно рассказать об албанской банде, к которой принадлежал Володкович, будучи одним из самых деятельных и смелых её членов.

Князь Кароль Радзивилл основал албанскую банду, или союз албанчиков, из людей ему преданных, в имении своём близ Несвижа, называемом Алба, в то время когда он ещё был мечником литовским. Чтоб попасть в это общество нужно было быть порядочным, оседлым шляхтичем, удалым рубакой, лихим наездником на самой бешеной лошади, хорошим охотником и вообще бодрым и отважным; нужно было, как говорят поляки, уметь держать чёрта за рога. Князь не мог

дать никому патента на звание албанца без согласия, по крайней мере, двух третей всего общества. Обязанность членов была: на всякий призыв князя являться к нему на коне в полном вооружении и, несмотря на опасность, подставлять лоб за честь князя-воеводы, за свою собственную и каждого из членов. В уставе банды между прочим было сказано, что два албанчика, поссорившись между собой, не должны были тягаться судебным порядком, но должны были обратиться к посредничеству одного из своих товарищей, который, смотря по существу дела и по сопровождавшим его обстоятельствам, мог назначить соперникам поединок на саблях, или кончить между ними дело миролюбивым соглашением. Вельможи вменяли себе за честь быть членами албанской банды. Патенты на звание членов подписывались князем, канцлером банды был упоминаемый нами пан Володкович, а устав этого полурыцарского и полуразгульного общества написал пан Пищалло, бывший наставник князя и, как увидят читатели, один из замечательнейших педагогов и древних, и средних, и новейших вре-

мён.

Как-то однажды, после жаркого июльского дня, пан Пицалло, чиншовый шляхтич, вышел на крыльцо своего небольшого домика; солнце уходило на ночной отдых и яркими багровыми лучами обливало верхушки литовских сосен. Перед домиком пана Пицалло вилась изгибами и терялась в опушке леса просёлочная дорога, ведущая на Несвиж; часто с томительным ожиданием посматривал на эту дорогу бедный шляхтич, ожидая то княжеского гонца, то своего фактора из Несвижа. Но в настоящее время пан Пицалло смотрел на дорогу как-то бессознательно, любуясь только тою картиною, которую так привлекательно рисовала для него сама природа.

Вдруг на конце дороги показался нёсшийся во весь опор всадник; зоркий глаз Пицалло тотчас увидал, что это не был один из тех наездников, которыми в то время славилась Польша, и которые были настоящими центаврами, т. е. людьми, приросшими к лошадям. Напротив, всадник, который явился пред паном Пицалло, казалось, каждую минуту готов был свалиться с лошади; он не только

подпрыгивал на ней, но длинные ноги, перетягиваемые тяжестью туловища, теряли равновесие и поднимались по временам до самых ушей лошади. В этом наезднике пан Пицалло узнал несвижского фактора Ицку. Отломив огромный сук, сын Израиля нещадно колотил по бокам тощее животное, на хребте которого он сидел без седла и без стремян; разные понукания скакавшему коню он перемешивал с восклицаниями: ню, ню, ай, ай, их вел дир гебен, т. е. я тебе дам, и без милосердия валял хворостиной своего буцефала.

Ицко подъехав, против обыкновения, почти к самому крыльцу панского дома, соскочил с коня, который, пользуясь освобождением от ноши, стал тяжело вздыхать; а Ицко, приподнимая свою широкополую шляпу, подогнув колени, съёжась и кланяясь на каждом шагу, подошёл к пану Пицалло.

На вопросы Пицалло Ицко прежде всего отвечал обыкновенными возгласами евреев: уй! ой!, причмокивал языком, что служит у них выражением сильных ощущений, потом обнаруживал удивление, каким образом пан Пицалло не знает ещё о чем толкуют не толь-

ко "жиди", но и все большие паны в Несвиже, Слуцке, Минске, Варшаве и Кракове, и наконец заговорился до того, что начал уверять пана Пищалло, будто сам великий князь литовский, наияснейший пан круль [король], егомосць [Его Величество], только о том и толкует целый день с бискупами, сенаторами воеводами, гетманами.

Выведенный из терпения болтовнёй Ицки, пан Пищалло решительно потребовал, чтобы он объяснил в чём дело, и тогда Ицко, сложив на правой руке большой палец с указательным в виде кружка, стал мерно помахивать ими и сказал торжественно-таинственным голосом, что княгиня Радзивилл хочет непременно научить своего сына князя Кароля читать и писать, и в заключение вскрикнул: "ой! аклоцен, кто бендзе у него рабитом? ой!" т. е. кто же будет у него учителем.

Конечно, приискание учителя не могло быть, особенно в то время, важным событием в Литве; но в настоящем случае важно было следующее обстоятельство: княгиня Радзивилл объявила, что она подарит два самых лучших из всех своих фольварков тому, кто

научит сына её Кароля читать и писать без принуждения, по собственной его охоте. Таким образом к педагогическому ремеслу при­мешалось феодальное право, и, конечно, по­лучить два радзивилловских фольварка было дело нешуточное. Только что об этом прове­дали жи­ды в Несвиже, как каждый из них по­скакал к своему пану с объявлением об этом. Что нужды, если сам пан едва умеет читать и писать, рассуждали они; на то он и пан, что­бы выдумать, как поступать в трудном деле. С этою вестью поспешил и Ицко к пану Пицал­ло, который сам был вовсе не грамотей, но го­тов был взяться за что угодно; учить ли в Сморгонях медведя ходить на задних лапах, или просвещать князя Радзивилла.

Получив такую весть от Ицки и давши ему за труды злотый, пан Пицалло на другой день, под предлогом, что хотел засвидетель­ствовать своё почтение княгине, отправился в Несвиж, желая на самом деле узнать испод­тишка те условия, которые княгиня предлага­ет воспитателю своего сына. Там он узнал, что уже маленького князя пытались учить ксёндзы, но дело кончилась тем, что они, вы­

веденные из терпения его неохотою учиться, принимались хлестать его огурками, т. е. деревянными головками кисточек, которые находятся на концах толстых шнуров, служащих вместо поясов для католических монахов некоторых орденов. Пан Пиццалло узнал также, что один запальчивый ксёндз отхлестал бедного Кароля чуть не до полусмерти; что вследствие этого княгиня, действительно, ищет наставника, который бы научил её сына читать и писать, без помощи розг, дисциплины и огурков.

Пан Пиццалло думал не долго и решился предложить себя в наставники молодому князю. Дело было слажено. Едва ли все методы преподавания представят что-нибудь похожее на ту, которой придержался шляхтич, неожиданно попавший в педагоги, из желания владеть двумя фольварками.

В день, назначенный для первого урока, пан Пиццалло не взял ни букваря, ни понудительных инструментов, бывших в то время в большом ходу, а велел притащить в сад, где хотел давать уроки, большую белую деревянную доску и кусок угля, а сам между тем заря-

дил шесть пистолетов.

– Ну, князь, – сказал Пицалло Радзивиллу, – примемся с помощью Божиею за учение, – и отмерив сорок шагов от скамейки, на которую он положил пистолеты, поставил в этом расстоянии доску и потом на ней написал углём букву А.

– То А! – громко крикнул Пицалло, указывая князю своею саблею, заменившею указку. – Помни же, что это А; пáль-го, т. е. стреляй в него, – вдруг вскрикнул Пицалло, показав Радзивиллу глазами на лежавшие перед ним пистолеты. Князь схватил один из них, быстро откинул назад рукава своего кунтуша, раздался выстрел. и А было подстрелено в самую перекладину.

Таким образом почтенный педагог перешёл в букве В, там в С, потом к D и так далее. После этого он стал учить князя складывать по следующему способу: написав целый алфавит, он приказывал своему ученику стрелять в одну букву, потом в другую, и таким образом выходили склады, а потом и слова.

Маленький Радзивилл сделал непомерные успехи, а Пицалло получил обещанное вознагра-

граждение, и кроме того в Литве заговорили, что многие государи убедительно просят пана Пиццалло в наставники к своим детям. Как бы то ни было, но пан Пиццалло имел в глазах князя Кароля значение человека необыкновенно учёного, и потому, учреждая албанскую банду, он поручил Пиццалло написать её устав.

Число албанчиков было огромное: они составляли главную опору могущества князя Радзивилла. В Слонимском уезде число албанчиков доходило до того, что если, как говорили современники, замахнёшься палкою на собаку, то непременно ударишь албанчика. Хотя главным образом большинство албанчиков состояло из убогой шляхты, было привязано к Радзивиллу за его щедрость, потому что они ели его хлеб, и хлеб вкусный, а он, как сильный магнат, помогал членам основанного им общества всем – и деньгами, и силою, однако к чести албанчиков надобно сказать, что они не изменили своему покровителю и в то время, когда его постигло несчастье, когда он, по приговору короля и сейма, был наказан банницией, то есть изгнанием из

пределов отечества, и когда несметные его богатства были конфискованы. Конфискованное имение следовало по закону отдавать в аренду, и албанчики условились между собою взять на себя все конфискованные имения князя Кароля. Только что проведала об этом шляхта, как никто не решился брать в аренду имения изгнанника, боясь мщениа его приверженцев – албанчиков, поэтому они сами и разобрали радзивилловские волости за самую ничтожную плату в пользу казны и постановили между собою посылать к князю за границу половину всех доходов; таким образом миллионы переходили ежегодно чрез варшавских банкиров в Рим, Венецию, Стамбул, всюду, куда ни являлся изгнанник, по-видимому лишённый насущного хлеба, а между тем живший с такою роскошью, которая, как чудо, поражала современников, и которая потом уже казалась баснословною. Это обстоятельство породило, между прочим, выдумку о каком-то неразменном радзивилловском дукате, величиною с жерновой камень.

Каждый член албанской банды подписывался "радзивилловский приятель" и назы-

вался другом дома, "домовником". В разговоре с албанчиком князь называл его "пане-коханку", т. е, почти то же, что: мой любезный, а так как он постоянно говорил с албанчиками, то он до того привык к этим словам, что они сделались его постоянною поговоркою, и он кстати и не кстати повторял их в разговоре с кем бы то ни было, даже с самим королём, и это было причиною, что он во всей Польше был известен под именем: "пане-коханку"! Хотя между албанчиками с их главою ясно проглядывали отношения покровительствуемых в своему покровителю, тем не менее однако князь Радзивилл переносил их дерзости не с запальчивостью магната, но с снисходительностью доброго человека. Так однажды он крепко поссорился с одним из албанчиков, паном Игнатием Боровским; долго продолжалась эта ссора, наконец приятели уговорили Боровского отправиться в Радзивиллу на мировую. Богато-разодетый Боровский явился в князю в день его ангела, когда князь был окружён огромною толпою гостей.

– Ну что слышно нового? – спросил Радзивилл Боровского, стараясь заговорить с ним.

– Что слышно нового? – повторил Боровский. – Слышно, что в Литве явилось два дурака.

– Кто ж они? – спросил Радзивилл.

– Кто они? – повторил опять Боровский, – один – князь Радзивилл, а другой – шляхтич Боровский.

– Отчего ж это?

– Оттого, что оба поссорились друг с другом, сами не зная за что.

Радзивилл, вместо того, чтобы рассердиться, дружески поцеловал шляхтича, сказав ему от сердца:

– Ну пане-коханку, перестанем же быть дураками, помиримся.

И приязнь между магнатом и шляхтичем скрепилась ещё более.

Для членов банды был особый мундир, он состоял в следующем, весьма красивом одеянии: при жёлтых сафьянных сапогах были надеваемы красные шаровары, крепко стянутые пониже талии, на желудке, шёлковым шнурком с кисточками, жупан или нижнее платье из голубого атласа, застёгнутый на шее и на груди четырьмя шёлковыми пуговками того

же цвета, а среди их запонки из голубой эмали с брильянтовыми буквами Х. К. Р. как начальными литерами титула, имени и фамилии Радзивилла; на шее, из-за жупана выпускался палец на два белый воротник рубашки. Сверх жупана надевался кунтуш соломенного цвета из плотной шерстяной материи, вроде сукна, называемой сайета, с синим воротником, подбитый шёлковой материею такого же цвета, как был цвет жупана. Литой серебряный пояс перехватывал кунтуш; на этом поясе были рассеяны незабудки и астры; пояса эти выделывались в Слуцке для одних албанчиков; с боку привешивалась большая кривая сабля; на рукоятку её, украшенную иногда дорогими камнями, клали голубую бархатную шапку с околышем из крымской мерлушки. Рукава кунтуша забрасывали назад и зашпиливали на крючок.

В этом мундире нужно было ходить в Несвиже, а если кто-нибудь надевал его, не имея на то права, то с того албанчики снимали его силою. Радзивилл сам носил такой же мундир, только на запонке был у него не его вензель, а буквы F. A. F., что значило: fiducia

amicorum fortis, т. е., силён верностью друзей.

Одетые таким образом албанчики, большею частью, были молодец к молодцу, кто с чёрными, кто с светло-русыми, кто с седыми усами. Особенно живописна была та минута, когда они, стоя плотною толпою в несвижском костёле, вдруг, во время чтения молитвы Богородице, по старопольскому обычаю, все надевали на головы шапки, и обнажив сабли, махали ими, выражая этим, что они готовы идти ратовать во имя Пресвятой Девы.

Среди этих молодцов особенно отличался пан Володкович, и тот, кто видал его портрет, не пожелал бы встретиться с подлинником не только ночью, но и днём – такой ражий из себя и такой с виду приветливый был этот дедина!

В молодости Радзивилл любил тоже пошалаживать, как и вся польская молодёжь того времени, а поэтому и албанская банда была сборище не безгрешное. В Польше, по смерти короля начиналось ещё более неурядицы, чем бывало даже при самом слабом короле; страсти начинали кипеть; до собрания большего сейма бывали маленькие местные сей-

мы, следовательно были многочисленные съезды шляхты, а съезды эти, само собою разумеется, не обходились без попок и разгула. В таком состоянии была Литва и Польша по смерти последнего короля из саксонского дома Августа III и пред воцарением Понятовского. Трибуналы, в небытность короля, бездействовали, их временно заменяли так называемые каптуровые суды. И вот однажды возный новогрудского каптурового суда повестил албанчикам, чтобы все они явились в этот суд для объяснений по жалобам, принесённым на них в суд, касательно бесчинств и гвалтов в шляхетских домах. Когда повестка об этом дошла до Володковича, он тотчас дал подписку в том, что явится в суд с своим адвокатом. При этом, чтобы познакомить возного с своим адвокатом, он показал ему его – это была ремённая нагайка. У Володковича их было три: ремённая на судью Хрептовича, другая на Понятовского, о котором уже громко говорили, что он будет королём, тоже была ремённая, но обвитая шёлком, и третья на виленского епископа князя Мосальского, тоже ремённая, но обвитая золотою нитью. Возный

пожал плечами и уехал, исполнив свою обязанность.

Но выполнил также и Володкович свою подписку: он собрал немедленно шесть самых лихих рубак из албанчиков и отправился на суд в Новогрудок. Только что издали за-видел судья своего подсудимого, как убежал задними дверями в монастырь. Володкович вошёл в суд и спросил где судья?

– Он вышел, – отвечал регент.

– Нечего сказать, хорош судья, – заметил Володкович, – зовёт подсудимых, а сам уходит. Впрочем, – добавил он, – в небытность судьи место его заступить регент.

Спутники Володковича поняли смысл этого замечания, и чрез несколько минут несчастный регент лежал растянутый на присутственном столе, крепко придерживаемый шестернёй дюжих парней, а сам Володкович с широкого своего плеча отсчитывал сотню нагаек исправляющему должность судьи. Отсчитав сполна регенту то, что было назначено его начальнику, Володкович забрал из суда все производившиеся в нём дела и уехал из Новогрудка, как ни в чём не бывало.

Но когда воцарился Понятовский, в Новогрудке собрался трибунал; к этому же времени, как будто для свидания с князем Каролом Радзивиллом приехал туда же виленский епископ князь Мосальский. В это же время стоял в Новогрудке королевский полк, которым командовал брат епископа. Положено было расправиться с Володковичем.

Один из майоров полка, переодевшись евреем, отправился в Несвиж к Радзивиллу — уверить князя, что полк Мосальского готов пристать к конфедерации, и просил только, чтобы Радзивилл отпустил с ним Володковича, как самого деятельного её члена, к которому королевские солдаты окажут всего более расположения. Володкович согласился и пред самым рассветом приехал в Новогрудок, прямо на квартиру майора. Едва успел Володкович осмотреться вокруг, как целый полк Мосальского окружил дом, в котором остановился Володкович. Он увидел западню, ему приготовленную, но уже было поздно. Однако он успел выбить дверь и кинулся в сад, думая пробраться в поле между деревьями; но все дороги были пресечены, куда ни кидался он,

всюду встречал ряд штыков; солдаты не стреляли в него, им было приказано взять его живым, и 100 червонцев было обещано тому, кто исполнит это. Несмотря на неравный бой, Володкович, одарённый необыкновенной силой, успел пробиться через несколько рядов; смельчаки подступили было в нему, стараясь схватить его, но он или убивал их, или наносил им тяжёлые раны. Противникам Володковича хотелось взять его живым, чтобы придать этому делу не вид насилия, но законного суда.

Наконец силы Володковича истопились; он спустился в яму, бывшую в саду, и оттуда продолжал обороняться чем ни попало. Любопытные евреи, которым, надо сказать правду, крепко доставалось от Володковича, толпами бежали смотреть на его схватку с целым полком. Уй! ой! вай! и прочее слышались во всём Новогрудке; но никто не догадывался, как овладеть Володковичем без новых потерь в людях. Тогда один из евреев подал следующий совет: бросать в яму, в которой укрылся Володкович, разный хлам; все жидаы от малого до великого кинулись за работу: кто тащил

ломаный стул, кто стол, кто доску, кто поле-
но, кто ведро, кто лохань, кто перину, и всё
это летело в яму, где отбивался Володкович.
Тесно в ней стало молодцу, и он сдался.

Тогда его взяли, связали, отнесли в суд и
там прочитали ему декрет, обвиняя его во
множестве преступлений. Менее чем через
час Володкович был уже расстрелян, вслед-
ствие приговора суда. Спустя шесть часов,
Радзивилл, узнавший о бедственном положе-
нии своего друга, пришёл в нему на выручку,
но уже было поздно, и он в отместку за
смерть Володковича разбил на голову полк
князя Мосальского.

Со смертью Володковича значительно
ослабела разгульная деятельность албанской
банды.